

УДК 316.62
ББК 60.561.5
Г47

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Гиллиган, К., Снайдер, Н.
Г47 Почему патриархат все еще существует? [Текст] / пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. — 176 с. — (Социальная теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2151-9 (в пер.).

Что позволяет патриархату сохранять устойчивость и сопротивляться переменам? В этой самобытной и убедительной книге Кэрл Гиллиган и Наоми Снайдер утверждают, что патриархат все еще существует потому, что он выполняет определенную психологическую задачу. Требуя от нас пожертвовать любовью ради иерархической структуры, патриархат оберегает нас от уязвимости, связанной с любовью, и становится защитой от утраты. Разоблачая природу весьма эффективных психологических механизмов, лежащих в основе патриархального порядка, авторы показывают, что политика, кажущаяся нам необъяснимой, направляется не осознаваемыми нами силами.

Эта книга, одним из авторов которой является влиятельнейшая мыслительница-феминистка, будет необычайно интересна всем, кого беспокоят наши хаотические психо-политические времена.

УДК 316.62
ББК 60.561.5

Переведено по: *Carol Gilligan, Naomi Snider. Why Does Patriarchy Persist?*
This edition is published by arrangement with Polity Press Ltd., Cambridge.
First published in 2018 by Polity Press

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<<http://id.hse.ru>>

doi:10.17323/978-5-7598-2151-9

ISBN 978-5-7598-2151-9 (в пер.)
ISBN 978-1-5095-2912-4 (англ.)

© Carol Gilligan, Naomi Snider 2018
The right of Carol Gilligan, Naomi Snider to be identified as Author of this Work has been asserted in accordance with the UK Copyright, Designs and Patents Act 1988.
© Перевод на русский язык.
Издательский дом Высшей школы экономики, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности	6
Введение	8
ЧАСТЬ I	
Загадка	27
Первая подсказка: связь с утратой	36
Соппротивление	43
Утрата	57
Три открытия	88
Краткие итоги	107
ЧАСТЬ II	
Теперь мы знаем. Что дальше?	111
Найти резонанс, исцелить разрывы.	139
Исход из патриархата	142
Каков наш ответ?	156
Литература	168

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга выросла из семинара, посвященного сопротивлению несправедливости, который проводился осенью 2014 г. в школе права Нью-Йоркского университета. Ее созданию поспособствовало приглашение от Института Уильяма Алансона Уайта прочитать лекцию у них на регулярном коллоквиуме осенью 2016 г. — так сложилось, что лекция эта была прочитана на следующий день после избрания Трампа. Ознакомившись с печатной версией лекции, Джон Томпсон предложил нам написать книгу. Мы до глубины души благодарны Дэвиду Ричардсу, который был соведущим семинара по сопротивлению несправедливости, Нэнси Нерее, руководителю коллоквиума в Институте Уайта, и Джону Томпсону из издательства Polity Press. Все они самым деятельным образом вдохновляли и поддерживали наше сотрудничество.

Мы невероятно признательны студентам, чьи голоса вплетались в наше исследование, подталкивая нас к новым открытиям. Мы особенно благодарны Адаму и Джеки, а еще Кристине и Кэти за их вклад в эту книгу. Мы также благодарим участников Проекта радикального вслушивания (Нью-Йоркский университет) — Жаклин Крус, Джессику Эдди, Нур Джонс-Бэй и Тоню Лесли — за то, что они внимательно прочли первые черновики рукописи. Их отклики побудили нас более тщательно продумывать проблемы, над которыми мы работали. Большая благодарность

Нур за ее тонкие наблюдения на тему пересечения расы и гендера. Мы признательны Урсуле Даймонд, Блайт Хоторн-Луазо и Дэйне Кэрин за их отзывы на ранних стадиях нашей работы. Большое спасибо заместителю проректора Линде Миллс. И большое спасибо Бэт Нэш за то, что поддерживала наш проект.

Мы признательны Мири Абрамис, Филиппу Блумбергу, Эухенио Дуарте, Сьюзан Фабрик, Шэрон Кофман, Сью Колод, Рут Ливингстон, Гэри Шлезингеру и Саре Стэмпи из Института Уайта за их вклад в нашу работу. Благодарим Тину Пэкер, Тову Хартман, Донну Киршбаум и Рэйчел Кадиш, Даниэль Кнафо, Бэт Фелдман, Би Джи Клинг, Джуди Уоррен и Вэнди Миллер, Трейси Сайдсингер, Татьяну Лискович и Шуйлера Ханта — их отзывы на рукопись на разных ее стадиях были невероятно ценны и плодотворны. Особая благодарность — редакторам в *Polity Press* за их мудрые советы.

Наоми хочет поблагодарить Рут Имбер и Джеймса Филипса за то, что выслушивали ее, Элио Вильоне за то, что побуждал ее идти туда, куда она не осмеливалась заходить раньше, и Рейчел Снайдер и Хелен Снайдер за их надежность и любовь. Она будет вечно благодарна своим учителям Кэрол и Дэвиду Ричардс за то, что они выслушивали и поддерживали в ней голос протеста, даже когда он был еще всего лишь шепотом. Кэрол хочет поблагодарить декана Тревора Моррисона за поддержку проекта на ранних стадиях и Питера Фридбергера за его вдумчивую помощь. Она также хочет поблагодарить Джона Томпсона за острый глаз и неизменную поддержку и Джима Гиллигана, который всегда готов ее выслушать.

Введение

В КОНЦЕ осени 2016 г., в то время как американцы пытались освоиться с фактом избрания Дональда Трампа президентом, Адам, студент-юрист третьего курса, вглядывался в себя. В итоговой работе по семинару на тему сопротивления несправедливости он размышлял о том, как предал любовь. Олли был его закадычным другом с шести лет, они вместе играли в одной футбольной команде. Адам вспоминает, как за годы дружбы они сблизились до такой степени, что «стали братьями» и поверяли друг другу самые сокровенные тайны. Когда ему было девять лет, он поделился с Олли своей мечтой пройти прослушивание для сольного выступления на школьном концерте. Впервые Адам рассказал кому-то вне семейного круга, что любит петь. Для него, культивировавшего свой образ «крутого пацана», такое признание было «очень большим шагом». «Но Олли не стал меня высмеивать, а вместо этого заставил меня целый день репетировать перед ним свое соло на сцене, которую мы смастерили из картонных коробок».

Но с 10-го класса, пишет Адам, он «начал сознательно отдаляться от Олли». «Мои знакомые девочки из его школы подтвердили то, о чем я и сам уже догадывался, — Олли был геем». В разговорах теперь Адам называл Олли «просто приятелем, с которым мы играем в футбол», как если бы их дружба «была всего лишь неизбежным сопут-

ствующим обстоятельством общих тренировок». Своему дедушке Адам как-то раз сказал, что Олли «был раньше его лучшим другом, но теперь это не так». В последний год старшей школы мальчики «по сути, перестали общаться» и с тех пор «выходили на связь ровно два раза в году» — посылая друг другу поздравительные эсэмэски на день рождения.

Теперь, вспоминая прошлое, Адам поражается тому, что решение, которое он принял в 10-м классе, — перестать называть Олли своим лучшим другом — «оказалось не столько отражающим реальность на тот момент, сколько пророческим. Я добился того, чего хотел. Я отдалился от лучшего друга именно в тот момент, когда мальчикам уже не полагается иметь лучших друзей и в особенности таких, кто нарушает законы любовных отношений». И все же Адам испытывал «сильнейшую печаль». Он не хотел рушить узы дружбы с Олли и тем не менее ничего не мог с этим поделать:

Как будто какой-то голос мне говорил, что нужно отделить разум от чувств. Я не знал, что это за голос, но мне не хотелось рисковать и выяснять, что будет, если я его не послушаю. Я думаю, я просто рассмеялся бы, если бы мне тогда сказали, что я нахожусь под влиянием сил, действующих в «Орестее», трилогии Эсхила 450 г. до н.э. Сам того не зная, я прошел патриархальный обряд посвящения в мужчины. В том-то и проблема с патриархатом. Его огромная власть неосязаема, ее воздействие совершается не напрямую, но пронизывает собою все. Виновник неуловим, как призрак...

После того как президентом был избран откровенный сторонник патриархата, то, что совершалось неосознанно, вышло на авансцену сознания. Адама стали преследовать призраки прошлого. Силы, повлиявшие на него, — древние патриархальные представления о том, что такое мужественность, — были неосязаемы. Но воздействие они

оказали весьма существенное. Законы Любви — так Арундати Рой называет законы, на которых покоится патриархат, законы, «определяющие, кого следует любить. И как. И насколько сильно»¹ — заставили его пожертвовать своей любовью к Олли. «Я очень его любил. Это была скорее братская любовь, нежели сексуальное влечение, но это была искренняя привязанность, которую мне вовсе не хотелось рушить. И тем не менее я пошел наперекор своему чувству».

Джеки, аспирантка-социолог, размышляет над тем, что заставило ее промолчать. На старшем курсе колледжа ее изнасиловал однокашник, человек, которого она «знала с первого курса», которого считала своим другом. Однажды ночью он «показал свое истинное лицо», применив насилие, невзирая на ее крики и мольбы. Сам факт изнасилования под вопрос не ставился («то, что меня изнасиловали, не отрицалось»). Но, как пишет Джеки в итоговой работе по семинару на тему сопротивления несправедливости, она ощущала, что ее подталкивают «смириться с этим, не гнать волну, не портить Тому жизнь». Она доучивалась, «опустив глаза, стиснув зубы». «Я не хотела ни с чем разбираться, не хотела чувствовать себя жертвой, не хотела верить, что человек, которого я знала больше трех лет, оказался таким бессердечным». Джеки поняла, что она «оберегала его ценой собственных чувств», позволяя ему жить так, как если бы никакого насилия не было. Почему же, спрашивает она себя, она подчинилась социальным мантрам, требовавшим от нее «не знать того, что [она] знала»? Для Джеки виновник тоже оказался неуловимым призраком: его присутствие несомненно, но бесплотное, он могущественный, но неосязаемый. Этот призрак — патриархат. Его характерные приметы — законы мужественности и женственности,

---

¹ Рой А. Бог Мелочей / пер. Л. Мотылева. СПб.: Амфора, 2005. — *Примеч. пер.*

которые заставили Адама разорвать узы дружбы с Оли, а Джеки — жить в молчании:

Моя женственность превратила меня в объект насилия, собственность мужчины, и она же требовала от меня молчания: быть «хорошей девочкой», оберегать мужчин от их собственных «ошибок». Когда я год спустя сообщила о насилии в полицию и следователь выдвинул ящик с делами других женщин, которые так и не добились справедливости, которым велели молчать, которым университет заткнул рот (даже когда они сообщили о насилии!), я почувствовала себя частью огромной сети из женщин. Все мы, независимо от расовых и классовых различий, были жертвами представлений о том, что сексуальное насилие случается и надо просто с этим смириться. В кабинете следователя я поклялась себе, что больше молчать не стану.

Джеки поклялась, что отныне не станет подчиняться силам, оправдывающим мужское насилие и женское молчание, однако продолжала ломать голову над тем, почему же она все-таки сначала пошла у них на поводу.

Очевидный ответ состоит в том, что неподчинение чревато последствиями. Патриархальный кодекс мужской чести и женской добродетели прочно закреплен в культуре и обществе. Он воспринимается как нечто естественное, а его нарушение — как нечто противоестественное, непозволительное настоящему мужчине или порядочной женщине. Но случаи Адама и Джеки заставляют нас задаться вопросом: нет ли здесь еще и психологического фактора, побуждающего Адама отделить разум от чувства и тем самым не думать о своих чувствах, а Джеки — не знать того, что она знает? Вопрос стоит так: присуща ли патриархату еще и психологическая функция, которая защищает нас от слишком опасных эмоций, от непереносимого знания? Может быть, отчасти именно поэтому мы продолжаем поддерживать патриархальные порядки?

С избранием Дональда Трампа неистребимость патриархальных установок снова вышла на передний план и требует объяснения. Почему патриархат так живуч?

Но сначала надо разобраться, что такое патриархат. Толстой описывает грубую, властную и таинственную силу, которая превращает все естественное и доброе (любовь и чувство умиленного сострадания) в нечто постыдное и недостойное в глазах света. В одном пассаже из «Анны Карениной» говорится о том, как Каренин, муж Анны, чиновник, вроде бы не способный на человеческие чувства, «в первый раз в жизни отдался тому чувству умиленного сострадания, которое в нем вызывали страдания других людей и которого он прежде стыдился, как вредной слабости». И тем не менее «кроме благой духовной силы, руководившей его душой, была другая, грубая, столь же или еще более властная сила, которая руководила его жизнью». Он «знал вперед, что все против него и что его не допустят сделать то, что казалось ему теперь так естественно и хорошо, а заставят сделать то, что дурно, но им кажется должным».

Это поразительно точное определение. Патриархат мы определяем как культуру, основанную на гендерной бинарности и иерархии, систему понятий или оптику, которая:

1. Заставляет нас разделять человеческие свойства на «мужские» и «женские», отдавая при этом мужским предпочтение.
2. Отдает некоторым мужчинам главенство над другими мужчинами и всем мужчинам — над женщинами.
3. Проводит различие между «личностью» и «отношениями» таким образом, что у мужчины есть личность, а у женщины в идеале личности нет; при этом женщины находятся в отношениях, которые подспудно обслуживают потребности мужчин.

Патриархат — практически повсеместная, веками складывавшаяся структура, однако же в самом ее сердце таится некоторая непоследовательность, потому что в действительности у мужчины не может быть личности вне отношений, а женщина не может быть в отношениях, если у нее нет личности. Таким образом, патриархат, по сути, вредит и мужчинам, и женщинам, вынуждая мужчин вести себя так, словно отношения им не нужны, а женщин — так, словно им не нужна личность. Но вам не позволено видеть это или говорить об этом.

Патриархальная культура представлена в виде набора правил, ценностей, кодов и сценариев, которые предписывают мужчинам и женщинам, как им жить и действовать в мире. Нарушение этих правил может повлечь за собой серьезные последствия. Но патриархат укоренен еще глубже — он определяет наши мысли и чувства, то, как мы воспринимаем других людей и судим о них, влияет на наши желания, отношения и мир, в котором мы живем. Между двумя этими аспектами, культурным и психологическим, часто существует напряжение: мы бессознательно усваиваем и реализуем те установки, которым на сознательном уровне всячески противостоим. В работе под названием «Гадкие женщины: Разрушение и путь к взаимному признанию», написанной вскоре после избрания Трампа, психолог Трейси Сайдсингер рассуждает о неуловимом, призрачном присутствии патриархальных норм и ценностей: «Даже если на сознательном уровне мы придерживаемся представлений о равенстве, бессознательные идеи о том, какими должны быть женщины, постоянно присутствуют в виде огромной тени, призрака, значительно затрудняя переход к равноправию мужской и женской субъектностей»². Мы можем верить в женское равноправие и

---

² *Sidesinger T. The Nasty Woman: Destruction and the Path to Mutual Recognition. Conference paper, "Psychology & the Other". Boston, October 13–15, 2017.*

тем не менее, будучи женщинами, испытывать вину, когда мы ставим свои потребности выше чужих, или неловкость за других женщин, если они так поступают; а мужчины, даже если они феминисты, могут чувствовать гнев и стыд, когда их независимости, статусу или власти что-то угрожает и они оказываются уязвимыми.

Так Адам в действительности — слово, которое он все время повторяет, словно подчеркивая, что это и впрямь реальность, — не поддался своему порыву сохранить подлинно глубокие отношения с Олли, а Джеки на какое-то время уступила давлению, не стала «гнать волну и портить Тому жизнь», отказавшись говорить о том, что признал сам Том: он действительно изнасиловал ее. Воздействовавшие на них силы — извне и изнутри — принудили их пожертвовать отношениями, предав любовь или заглушив собственный голос, поддерживав иерархию, в которой мужское выше женского, натурал выше гея, а мужчина выше женщины.

Для Адама и Джеки выгоды подчинения были очевидны, но цена оказалась слишком высока. Поддерживая близкие отношения с Олли, Адам рисковал прослыть «геем» или «ненастоящим» мужчиной, но пожертвовав этой привязанностью во имя мужественности, он отказался от того, что любил, от чего-то необычайно ценного. Если бы Джеки стояла на своем и во всеуслышание заговорила о насильнике, она бы рисковала прослыть бесчувственной, эгоистичной, жестокой в своем стремлении «испортить ему жизнь»; но молчание, в котором она «утонула», оказалось для нее равносильно «предательству всего, во что [она] верила». Спрашивая себя, почему же патриархат так живуч, мы ставим вопрос о том, почему набор психологически непоследовательных и вредных культурных правил и допущений обладает такой огромной властью над нашей душой. То есть вопрос в конце концов вот в чем: где же сопротивление?

Если сформулировать в двух словах: стремление игнорировать голос не только желания, но и опыта вносит психологический нюанс в политическое понимание того, почему патриархат все еще остается силой, с которой нам приходится бороться. Мы имеем дело не только с вопросами престижа и власти, но и с призрачными силами, которые действуют за пределами нашего сознания, так что мы не отдаем себе в них отчета. Или, как показывает Толстой в своем романе, мы сталкиваемся с тем, что выдает дурное за хорошее, а естественного и хорошего принуждает стыдиться.

Мы признаем наличие сложных социально-политических факторов, ответственных за неистребимость патриархата. Есть люди, которым выгодны институты и экономические порядки патриархата, и они заинтересованы в том, чтобы их поддерживать. Но в основе любой политической или социальной теории лежит психология: набор представлений о том, чего хотят люди и что ими движет.

Эта книга начиналась с вопроса: возможно, патриархат так силен не только потому, что власть имущие не желают расставаться со своими привилегиями, но и потому, что он выполняет определенную психологическую задачу? Требуя пожертвовать любовью ради властных отношений (*hierarchy*) (вспомним Авраама, которому Бог повелел принести в жертву своего сына Исаака), патриархат оберегает нас от уязвимости, связанной с любовью, а тем самым и от утраты. В таком свете силы, действующие вне нашего сознательного контроля, предстают как двигатель политики, которая многим кажется необъяснимой.

Если это так, то подобная психологическая динамика может также стоять и за негативной реакцией на всякое движение в сторону равноправия. Любая попытка разоблачить патриархат угрожает не только социальному престижу и власти, но и психологическим защитам, оберегающим нас от наших глубочайших страхов и постыдных

желаний. С такой точки зрения мы, пожалуй, начинаем понимать, откуда берутся вспышки ярости и агрессии, стоит маске мужской неуязвимости и независимости соскользнуть, обнажив потребность мужчины в любви и заботе; и почему некоторые женщины отворачиваются от женщин, которые открыто говорят о своем желании и своей субъектности (agency).

Чтобы заложить основу для дальнейших рассуждений, начнем с того, что, несмотря на все уверения в обратном, патриархат вовсе не естественное состояние для рода человеческого. По своей природе мы — существа общительные, наделенные от рождения голосом, т.е. способностью сообщать другим о своих переживаниях, а также стремлением вступать во взаимоотношения. Специалисты по истории эволюции все чаще дружно говорят о том, что эта способность к взаимопониманию — к эмпатии, угадыванию мыслей и сотрудничеству — стала залогом нашего успешного эволюционного развития и способствовала нашему выживанию как вида³. С точки зрения эволюции патриархат был угрозой. По словам антрополога-эволюциониста Сары Блэффер Хрди, «патриархальная идеология, вращающаяся вокруг женского целомудрия и продления и приумножения наследования по мужской линии, подорвала многовековой обычай ставить во главу угла благополучие детей»⁴.

Это наблюдение ставит под сомнение традиционные представления, которые объясняют устойчивость патриархата исключительно преимуществами социального по-

---

³ См., напр.: *De Waal F.* The Age of Empathy. N.Y.: Harmony, 2009; *Lieberman M.D.* Social: Why Our Brains are Wired to Connect. N.Y.: Random House, 2013; *Hrdy S.* Mothers and Others. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2011; *Crisis of Connection: Its Roots, Consequences, and Solutions / N. Way, A. Ali, C. Gilligan, P. Noguera* (eds). N.Y.: NYU Press, 2018.

⁴ *Hrdy S.* Mothers and Others. P. 287.

ложения, богатства и власти. Если в стремлении к доминированию нет ничего естественного и оно вступает в противоречие с нашей естественной склонностью к общению, то почему же мы жертвуем радостями и выгодами человеческого общения ради материального достатка и чувства превосходства, которое дают нам власть и социальный престиж? Проблема только усложняется, когда выясняется, что система власти вовсе не отменяет базовых человеческих склонностей. В действительности наше умение общаться (эмпатия, угадывание мыслей и сотрудничество) способно преодолевать властные иерархии. Рискуя своей жизнью и благополучием семьи, Антонина Жабинская, жена смотрителя зоопарка в оккупированной Варшаве, прятала в зоопарке в центре города более 300 евреев, а ее муж, Ян Жабинский, придумал способ вывезти евреев из гетто под носом у нацистов. Когда у Яна спросили, как им удалось это сделать, он объяснил: «Это был не героический поступок, а простая человеческая обязанность»⁵.

Видеоролик на YouTube, в котором психолог Эдвард Троник показывает двухминутный «эксперимент с неподвижным лицом», служит яркой и убедительной демонстрацией того, какой чуткостью мы обладаем в младенчестве: ребенок мгновенно отлавливает малейшие изменения в отношениях и реагирует на них⁶. В начале фильма нам показывают, как мать общается со своим годовалым

---

⁵ *Ackerman D.* The Zookeeper's Wife. N.Y.: W.W. Norton & Co., 2007; *Lori A.* Code Name: Fox // Haaretz. 2008. February 21. <<https://www.haaretz.com/1.4994531>> (дата обращения 02.05.2018). См. также: *Hallie P.* Lest Innocent Blood be Shed: The Story of the Village of Le Chambon and How Goodness Happened There. N.Y.: Harper and Row, 1979; *Lidegaard B.* Countrymen: The Untold Story of How Denmark's Jews Escaped the Nazis, of the Courage of Their Fellow Danes and of the Extraordinary Role of the SS. N.Y.: Alfred A. Knopf, 2013.

⁶ <<https://youtu.be/apzXGEbZht0>> (дата обращения 11.01.2018).

ребенком: они воркуют и обмениваются жестами, наслаждаясь взаимодействием. Затем, следуя указаниям Троника, мать делает неподвижное лицо и перестает реагировать на ребенка. Ребенок тут же замечает утрату контакта. Девочка пытается вновь вовлечь мать в общение, повторяя звуки и жесты, которые ранее обеспечивали ее внимание. Когда мать игнорирует все ее попытки, сохраняя неподвижное выражение лица, мы видим, как удовольствие буквально пропадает из тела ребенка. Почти невыносимо наблюдать за тем, как наступает хаотичный разлад и как радостные интонации общения превращаются в пронзительные вопли. Мы испытываем физическое облегчение, когда эта двухминутка «неподвижного лица» заканчивается и матери позволено отреагировать на огорчение ребенка. Мы переводим дух, когда матери удается восполнить перебой в общении и ребенок вновь вступает с ней во взаимодействие.

За эти две минуты мы узнаем, что доверие в отношениях зависит от возможности восполнить перебой, воссоединиться после перерыва в общении. Как показали Троник и его коллеги, устойчивость в отношениях обеспечивается не отсутствием разрывов и перебоев и не тем, насколько хорошая у ребенка мать. Дело скорее в способности матери и ребенка вновь обрести друг друга после неизбежных перерывов в общении в ходе повседневной жизни.

Видео с экспериментом Троника очень поучительно, потому что мы можем видеть, как в реакции ребенка на перебой в общении исчезновение удовольствия и изменение интонаций сигнализируют об утрате контакта. Мы узнаем о том, что, фиксируя изменения в языке тела и интонациях, мы можем отследить сдвиги в отношениях, вход в отношения / выход из них. Когда удовольствие девочки гаснет и начинают меняться интонации ее голоса, мы становимся свидетелями того, как она утрачивает надежду

на восстановление контакта, и видим, что она движется в сторону выхода из отношений. И тогда можно видеть, что если способность к восстановлению контакта сама под угрозой, если попытки залатать разрыв, восстановить контакт в отношениях бесплодны или высмеиваются, то утрата связи фактически оказывается неисцелимой.

Наша способность транслировать свои чувства и улавливать чувства других, тем самым исцеляя разрывы связи, представляет собой угрозу для властных отношений (hierarchy). Чувство эмпатии и умиленного сострадания, уважение человеческого достоинства — все это очень затрудняет поддержание или оправдание неравенства. Пока те, кто внизу иерархической лестницы, способны транслировать свои чувства, а те, что наверху, способны к эмпатической реакции, нас неизбежно будет притягивать к полюсу исцеления разрывов, создаваемых всеми формами властных отношений. Таким образом, наши желания и возможности в отношениях — стремление к контакту с другими людьми, умение улавливать чувства другого и транслировать свои собственные — обесцениваются, берутся под контроль, обуздываются или приносятся в жертву, для того чтобы поддерживать порядок, в основе которого лежит деление людей на высших и низших, «прикасаемых» и неприкасаемых в зависимости от расы, гендера, класса, касты, религии, сексуальности и т.д. Отношения необходимо приносить в жертву, чтобы поддерживать иерархические структуры власти и положения; поэтому протест нужно задавить в корне, подорвать способность восстановления контакта, исцеления разрыва.

Патриархат так живуч отчасти потому, что он именно этим и занимается.

Мы были поражены тремя открытиями. Во-первых, коды и сценарии патриархальных мужественности и женственности — т.е. патриархальные представления о том, как должны себя вести настоящий мужчина и порядочная